

Сколько длился этот сон, Лянь Цзяньюэ не знал. Очнувшись, он обнаружил себя в купе поезда. Перед глазами высилась двухъярусная кровать, залитая ярким светом. На нижней полке, мерно покачиваясь вместе с вагоном, сидел Цюй Цзючуань. Он задумчиво вертел что-то в руках, уставившись в окно. За стеклом расстилалась глухая ночная тьма, в которой зыбко отражался его понурый силуэт.

— Мы в поезде? — с ходу спросил Лянь Цзяньюэ. — Куда мы едем? Разве мы не попрощались в Каменной деревне?

Вопросы посыпались слишком быстро — дыхание перехватило, и Лянь Цзяньюэ зашелся сухим кашлем.

Цюй Цзючуань вздрогнул, словно очнувшись от наваждения. Он поспешно схватил бутылку минералки, свинтил крышку и присел на край полки. Придерживая друга за плечи, он помог ему приподняться и протянул воду. Лянь Цзяньюэ сделал несколько жадных глотков и невольно коснулся груди. Ребра были абсолютно целы.

"Неужели все это лишь кошмарный сон? — подумал он. — Мы еще не добрались до Каменной деревни, Фэн Сювэй не ранен, а три священные реликвии не достались У Цзантуну..."

На душе мгновенно полегчало. Приободрившись, он устроился поудобнее и осушил бутылку почти до дна.

— А где Фэн Сювэй? — спросил он Цюй Цзючуаня.

Цюй Цзючуань слабо улыбнулся и молитвенно сложил ладони:

— Наш монах — настоящий чудотворец. Снадобье, которое он дал, сотворило чудо: ты цел, я цел, да и А-Мин в полном порядке. А брат Фэн... он пошел в вагон-ресторан за едой. Говорит, что тоже легко отделался.

Услышав про А-Мина и "монаха", Лянь Цзяньюэ понял, что зря надеялся на чудо. Разочарование тяжелым камнем легло на сердце. Он молча завинтил крышку бутылки и тихо проговорил:

— Хорошо, что все обошлось...

Цюй Цзючуань разжал кулак и высыпал на колени целую горсть сережек. Похоже, Фэн Сювэй сдержал слово и вернул ему все Бусины Девяти Изгибов.

Вставляя серьги в мочки ушей, Цюй Цзючуань добавил:

— К утру будем в Вэньчжоу.

Лянь Цзяньюэ понимающе кивнул, но недоумение никуда не исчезло:

— Но как вы...

— Когда я пришел в себя, мы лежали неподалеку от Каменной деревни, — принялся объяснять Цюй Цзючуань. — А-Мин был без чувств, тебя тоже никак не удавалось растолкать. Брат Фэн уже очнулся, но весь исходил кровью. Он твердил, что раны пустяковые, просто пугать народ своим видом не хотел. В итоге он остался на Склоне Красавиц собирать разлетевшиеся посылки, а я сбегал к местным крестьянам, раздобыл для него чистую одежду, нашел деревянную телегу и отвез вас с А-Мином в сельскую больницу. А-Мин очутился в палате и тут же пришел в себя. Я наплел ему, будто мы сбили выбежавшего на дорогу оленя и попали в аварию. По-моему, он не особо поверил, но врачи диагностировали легкое сотрясение и зашили глубокий порез на лбу. После этого он сразу же умчался обратно — разыскивать утерянный груз. Тебя тоже осмотрели, сказали, обычное обезвоживание. Поставили пару капельниц, но ты так и не проснулся. Вот мы и... — Он смущенно поскреб кончик носа и опустил глаза. — ...решили забрать тебя с собой. Без твоего согласия.

— И сколько я проспал? — спросил Лянь Цзяньюэ.

— Прилично. Как ни пытались — разбудить тебя не могли.

Дверь купе с тихим стуком отъехала в сторону. Вошел Фэн Сювэй. Надвинув на глаза кепку, он бережно прижимал к груди целую башню из четырех ланч-боксов и двух стаканов растворимой лапши — эта пирамида доходила ему до самого подбородка. На запястье покачивался увесистый пластиковый пакет с пивом и апельсиновым соком.

Цюй Цзючуань поспешил на помощь, забирая еду и расставляя коробки на складном столике:

— Зачем так много? Нас ведь всего трое.

Фэн Сювэй сдернул кепку, швырнул ее на верхнюю полку и, бросив колкий взгляд на Лянь Цзяньюэ, хмыкнул:

— Плохо у тебя с математикой. Нас трое и один прожорливый кабан.

Разглядев лицо друга при ярком свете, Лянь Цзяньюэ встревожился. Он невольно потянулся вперед и коснулся его лица:

— Откуда это? Что у тебя с подбородком?

Фэн Сювэй раздраженно отмахнулся, открывая один из ланч-боксов, и безучастно бросил:

— Шрам останется.

Лянь Цзяньюэ всмотрелся пристальнее. Фэн Сювэй сменил свой окровавленный наряд на простую рубаху из грубого полотна и легкие матерчатые туфли. Из-под расстегнутого ворота рубахи виднелся багровый, еще свежий рубец, тянувшийся от самого подбородка к ключице. Очевидно, след от удара его собственного Кораллового бича.

— Но как же сцена? — вскричал Лянь Цзяньюэ, чувствуя, как сжимается сердце. — Как ты теперь будешь выступать?

Фэн Сювэй сощурил глаза, и в его взгляде вспыхнула ярость:

— Ты с ума сошел? Кровная месть еще не свершена, а ты печешься о подмостках? Если я доберусь до его глотки, мне будет плевать на театр. Да пусть я хоть сдохну прямо там, я буду счастлив!

— Брат, ну зачем ты так, — попытался разрядить обстановку Цюй Цзючуань. — К чему такие страшные слова? Мы все под счастливой звездой родились, помирать молодыми точно не собираемся.

Фэн Сювэй бесцеремонно впихнул коробку с едой в руки Лянь Цзяньюэ:

— Скажи спасибо, что этот ублюдок У Цзантун не испепелил меня своим призрачным огнем. И вы оба молиться на него должны. Не прояви он милость — сидели бы сейчас голодными на том свете, а не уплетали горячий ужин.

Лянь Цзяньюэ сжал ланч-бокс. В голове вдруг всплыли те безответные вызовы, которые он раз за разом отправлял из дешевой гостиницы.

— Дайте кто-нибудь телефон, — попросил он.

Фэн Сювэй молча протянул свой мобильник. Лянь Цзяньюэ лихорадочно открыл браузер и принялся рассуждать вслух, загибая пальцы:

— У Цзантун обмолвился, что ему не хватает всего одной реликвии. Три штуки он забрал у нас в Каменной деревне. Еще одна была в Пекине...

— Когда я перебирал разбросанные посылки, — вставил Фэн Сювэй, — наткнулся на три пустые коробки из-под реликвий. Они должны были уйти в Янчжоу, Духай и деревню Старухи Фу.

— Значит, он уже добрался до тех, что я отправил в Миньши и в Музей военного освоения Синьцзяна в Шихэцзы. — Лянь Цзяньюэ быстро вбил названия городов в поисковую строку. Новостные ленты молчали: ни загадочных самовозгораний, ни жутких убийств за последние дни там не регистрировали. Он облегченно выдохнул. Чувство голода, притупившееся от страха, навалилось с новой силой, и он жадно принялся за еду.

— Слушайте, — подал голос Цюй Цзючуань, — а ведь верно. Если бы У Цзантун сразу пустил в ход свой призрачный огонь, он прикончил бы нас в мгновение ока...

Лянь Цзяньюэ с набитым ртом невнятно пробормотал:

— Тот, кого заденет это пламя, обречен на мучительную смерть. Скорее всего, У Цзантун хотел оставить кого-то из нас в живых как заложника. Чтобы вынудить остальных принести ему реликвии из Храма Разрешения Мирских Уз. Либо это чертовое пламя требует колоссальных сил, и разбрасываться им направо и налево он просто не может.

— Звучит разумно, — согласился Фэн Сюэй. Он протянул другу банку сока и слегка пихнул его мыском сапога: — Кстати, о реликвиях. Одна ведь осталась у тебя внутри. Как себя чувствуешь? Есть какие-то изменения?

Сделав глоток прохладного сока и проглотив рис, Лянь Цзяньюэ покачал головой:

— Никаких.

— И что, совсем ничего? — разочарованно протянул Цюй Цзючуань. — Никаких пробитых каналов, никакой бушующей внутренней энергии в жилах? Нам же вроде говорили, что эти штуки даруют невероятную силу!

Фэн Сюэй резко посерьезнел, взгляд его стал жестким:

— Пойдите. По телефону Мастер Сяо лишь упомянул, что некто назвал Лидеру труппы Чжао эти семь реликвий «сокровищницей боевых искусств». Это мы сами додумали, будто они служат для мгновенного обретения силы. Что, если их истинное предназначение совсем в другом?

— А для чего еще нужны секреты боевых искусств? — растерялся Цюй Цзючуань. — Не ради забавы же.

Лянь Цзяньюэ промокнул губы салфеткой:

— Возможно, секрет раскрывается лишь наследникам школы Мастера Небытие. Для простых людей вроде меня эти камни — пустые погремушки.

Фэн Сювэй усмехнулся:

— Оно и к лучшему. Разыграйся в твоём хилом теле какая-нибудь неведомая мощь — тебя бы разорвало на куски. Твоя болезнь ведь как раз из-за того, что потоки внутренней энергии бьют не туда, куда надо, и калечат легкие.

Цюй Цзючуань потянулся за стаканом растворимой лапши и принялся срывать защитную пленку:

— Как думаете, может, старик Лянь обосновался в Каменной деревне именно ради того, чтобы скрыться от У Цзантуна? Он набрел на нее случайно, встретил монаха Ляоцюэ и со временем понял, что преследователь до смерти боится этого затворника? Или он знал об этом заранее? Получается, все эти тридцать лет старик безвылазно сидел в глуши только ради того, чтобы уберечь сокрытую в нем реликвию?

Фэн Сювэй нахмурился, озадаченно глядя на Лянь Цзяньюэ:

— Если Лянь Уцзэн действительно пытался уберечь реликвии и знал, что монах Ляоцюэ — надежный щит против У Цзантуна, зачем он разослал их по всей стране перед смертью? Логичнее было бы велеть тебе передать их настоятелю на вечное хранение.

— Наверное, отец не подозревал, что У Цзантун способен отслеживать эти камни на расстоянии, — предположил Лянь Цзяньюэ. — Он надеялся, что если рассеять их по разным уголкам страны, то след затеряется навсегда. Но между У Цзантуном и реликвиями существует какая-то мистическая связь, они буквально притягивают его.

— Они делили одного учителя, а реликвии принадлежат их школе, — возразил Фэн Сювэй. — Было бы глупо этого не учесть.

— Да мало ли, какими секретами они не делились друг с другом, — пожал плечами Цюй Цзючуань. — Может, этот У Цзантун за долгие годы скитаний развил в себе чутье и превратился в живой поисковый радар.

Он покачал головой:

— Это чудовище вообще не подчиняется законам здравого смысла.

— Интересно, что еще скрывает этот монах Ляоцюэ, — задумчиво протянул Фэн Сювэй. — Вот только времени возвращаться и расспрашивать его у нас нет. Да и возможности тоже.

Цюй Цзючуань с хлопком поднялся с полки:

— Пойду залью лапшу кипятком. Брат Фэн, ты свою порцию доедать будешь?

Фэн Сювэй кивнул и пододвинул к себе еще одну теплую коробку.

Когда Цюй Цзючуань вышел в коридор, Лянь Цзяньюэ уже прикончил гарнир, оставив нетронутыми сытные куски мяса. Фэн Сювэй молча переложил их в его коробку.

Лянь Цзяньюэ опустил голову:

— Прости меня. Из-за меня все пошло наперекосяк.

— Позволь мне помочь тебе отомстить за твоего учителя... — тихо добавил он.

Фэн Сювэй с глухим стуком опустил ланч-бокс на столик. Глаза его зло сузились:

— Если бы твоего мастера, Бянь Жугоу, кто-то лишил жизни, а я влез бы со своей жалостью — ты бы уступил мне это право?

Лянь Цзяньюэ прямо встретил его яростный взгляд:

— Я знаю, что ты ищешь гибели. Но зачем тебе это? Ты ведь просто хочешь наказать себя. Наказать того испуганного мальчишку, у которого подкосились ноги в решающий момент, того, кто не сумел заслонить учителя. Но разве в этом твоя вина? Перед лицом такого чудовища, как У Цзانتун, любой смертный застынет от ужаса!

Плечи Фэн Сювэя заметно дрогнули. На мгновение на его лице отразилось искреннее изумление, но оно тут же сменилось глухой, удушливой яростью. Сжав кулаки, он процедил сквозь зубы:

— Заткнись... Живо.

Лянь Цзяньюэ не отвел глаз. Он упрямо гнул свое:

— Что изменится, если ты откажешься от этой безумной мести? Ни одна живая душа не посмеет упрекнуть тебя.

— Да, ты прав! — Фэн Сювэй подался вперед, лицо его исказилось судорогой. — Я хочу уничтожить того трусливого, ничтожного слизняка, который малодушно застыл на месте! Я принесу его в жертву, чтобы искупить свой позор. У меня нет иного пути. И не ровняй меня по себе.

Он перевел дыхание и зло откинулся назад:

— И вообще, когда это ты стал таким болтливым за столом? Твой старик Бянь совсем перестал тебя воспитывать?

Лянь Цзяньюэ в отчаянии запустил пальцы в волосы:

— Мне нужно срочно связаться с усадьбой! Сообщить, что я жив, и предупредить их об опасности.

— Я пробовал, — хмуро бросил Фэн Сювэй. — Трубку никто не берет. Сбросил им СМС. Теперь остается только надеяться на лучшее.

— Ты ведь больше никому об этом не рассказывал?

— С какой стати? Раструбить по всему свету, чтобы набежала толпа благородных праведников вершить самосуд и мешать моей вендетте?

— Твоя правда. Лишние жертвы ни к чему, — вздохнул Лянь Цзяньюэ и снова принялся за остывающий ужин.

— Но этот У Цзантун... он пугает, — тихо произнес Фэн Сювэй. — С виду чистый призрак, бесплотный дым. Но когда мой бич настиг его, удар пришелся словно по монолитному граниту.

При упоминании оружия Лянь Цзяньюэ невольно скользнул взглядом по его изувеченной шее. Фэн Сювэй этого не заметил, поглощенный собственными мыслями:

— И этот монах Ляоцюэ... Да и сам Храм Разрешения Мирских Уз. Сплошные тайны, одна мрачнее другой. Неужели слухи о древнем оружейном кургане — чистая правда? Кто поставил этого монаха охранять склеп? Или он сам его выкопал и затворился там?

Лянь Цзяньюэ удивленно приподнял брови:

— Ты уже знаешь про Храм Разрешения Мирских Уз?

— Цюй Цзючуань просветил, — Фэн Сювэй лениво потыкал палочками в рис и отставил ланч-бокс.

— Я не рассказывал тебе раньше, потому что боялся, что ты поднимешь меня на смех. В такое трудно поверить с чужих слов. Я и сам открылся только учителю.

Фэн Сювэй грустно усмехнулся:

— Разве было хоть что-то, чему бы я не поверил, расскажи это ты?

В этих словах сквозила легкая, едва уловимая обида, но прозвучали они на удивление спокойно, словно мимоходом.

— Ладно, кусок в горло не лезет, доедай сам, — Фэн Сювэй ловко запрыгнул на верхнюю полку и отвернулся к стене.

Вскоре в купе тихо скользнул Цюй Цзючуань. Заметив, что Фэн Сювэй уснул, он бесшумно притворил дверь, присел на краешек сиденья и принялся так же бесшумно поглощать свою лапшу.

Лянь Цзяньюэ прикончил и вторую порцию, оставленную другом. Закончив с ужином, парни навели порядок на столе и разошлись по своим углам. Сон не шел к Лянь Цзяньюэ. Цюй Цзючуань тоже бодрствовал: он сидел неподвижно, уставившись в темное окно со все тем же отрешенным, тоскливым видом, и то и дело задумчиво касался блестящих серег.

— Собираешься ехать с нами до самого Вэньчжоу? — негромко нарушил молчание Лянь Цзяньюэ.

— Сам не знаю, — замялся Цюй Цзючуань. — Если честно, мне бы очень хотелось пойти с вами в усадьбу клана Бянь.

— В Вэньчжоу наши пути расходятся. Возвращайся домой, — твердо отрезал Лянь Цзяньюэ.

Цюй Цзючуань горько усмехнулся:

— Понимаю... Мне ведь тоже страшно. До безумия страшно. Я до сих пор не могу взять в толк, откуда в тебе нашлось мужество тогда броситься наружу? Меня колотило как в лихорадке. Лянь-гэ... — Цюй Цзючуань поднял глаза, и в глубине его зрачков отразился первобытный, непреодолимый ужас. — Как вообще в нашем мире может существовать столь сокрушительное, запредельное могущество?

Он нахмурился, но сквозь пелену ужаса в его голосе проступило жгучее, лихорадочное любопытство, граничащее с восторгом:

— Неужели тот, кто овладеет этой силой, станет воистину всемогущим?

— Знаю, это звучит глупо, но мне безумно хочется взглянуть на нее еще раз, — зашептал он, и глаза его лихорадочно заблестели. — И в то же время меня сковывает леденящий страх. Я ведь



прятался в стороне, У Цзантун даже не смотрел в мою сторону и понятия не имел о моем присутствии, а у меня зубы стучали и конечности немели от холода. Но это не был страх смерти. Я не могу объяснить... Словно на меня надвигалось нечто бездонное, абсолютно черное, готовое прорасти прямо в душу. Разум кричал: «Беги! Спасайся!», но какая-то иная, темная часть существа тянулась к этому величию. Разве не так устроена человеческая природа? Разве нас не влечет к источнику безграничной силы? Мне до смерти хочется узнать, что скрывается в этой первозданной тьме!

Голос его становился все громче, а на смену прежней робости пришел безумный азарт. Он даже подался вперед, нетерпеливо потирая ладони.

— Тебе нужно поспать, — мягко, но настойчиво прервал его Лянь Цзяньюэ. — Выбрось эти мысли из головы.

И добавил:

— Если ты действительно решишь пойти с нами к клану Бянь, то должен понимать: живым оттуда можно не вернуться. Подумай хорошенько, что для тебя важнее — праздное любопытство или собственная жизнь.

Цюй Цзючуань торопливо закивал:

— Да, конечно, я понимаю.

Он посидел еще немного, беспокойно ерзая на месте, но так и не сумев совладать с внутренним напряжением, поднялся:

— Пойду пройдуся по вагону. Душно здесь.

Обратно он вернулся лишь под утро, когда поезд уже замедлял ход перед станцией назначения. К этому моменту Фэн Сюэи наконец спустился со своей полки и ушел умыться. Лянь Цзяньюэ, уже успевший привести себя в порядок, сходил в вагон-ресторан, разогрел вчерашний ужин и теперь неторопливо доедал его, запивая минералкой.

От Цюй Цзючуаня разило дешевым табаком, он наотрез отказался от еды и воды. Даже когда они сошли на перрон, парень казался потерянным: то и дело зависал, глядя в пустоту, беспрестанно курил и никак не мог принять решение. И все же он молча последовал за Лянь Цзяньюэ в сторону Пиньяна.

Путники торопились. Почти не разговаривая и не делая привалов, они добрались до туристической тропы и начали подъем на гору. Лишь раз они ненадолго присели отдохнуть в придорожной беседке.

Лянь Цзяньюэ уверенно вел спутников через лесную чащу, пока впереди не послышался глухой рокот водопада. Подойдя к бурлящему потоку, Цюй Цзючуань зачерпнул ледяной воды и ополоснул лицо.

— Вся эта дорога... я словно в полусне ее преодолел, — пробормотал он, шумно отдуваясь.

— Почти пришли, — отозвался Лянь Цзяньюэ.

Он поднял глаза к небу: высь сияла чистой лазурью, по которой лениво плыли редкие белые облака. Солнечный свет заливал горные склоны. Скрывшись за ревущей стеной водопада, они вошли в прохладную пещеру. Лянь Цзяньюэ лишь мельком отвесил земной поклон изваянию Бодхисаттвы Гуаньинь и тут же увлек спутников к выходу с противоположной стороны.

Они шагнули из полумрака наружу, и перед ними раскинулась необозримая, величественная панорама. Цюй Цзючуань изумленно огляделся по сторонам:

— Невероятно, Лянь-гэ! Место обитания твоего наставника — настоящий земной рай. Наверное, древние мастера не зря уходили от мира именно в такие глухие края. Какая первозданная красота, какой чистый воздух! Кругом горы, а там, в синей дымке... это ведь Восточное море, да? На старости лет я бы тоже осел в таком благословенном уголке.

Там, где на самом краю земли небо сливалось с океаном, на лазурных волнах робко вспыхивали мириады золотых искр.

Ни облачка, ни намек на грозу. Черной ауры У Цзантуна поблизости не ощущалось.

Не успели они пройти и десятка шагов, как Фэн Сюэй властно ухватил Цюй Цзючуаня за плечо и придержал:

— Стой. Мы подождем здесь. Пусть он идет первым.

Легкомысленная улыбка мигом сошла с лица Цюй Цзючуаня. Он затравленно покосился на безмятежную небесную лазурь и прошептал:

— Но ведь погода ясная. Наверное, У Цзантун еще не добрался сюда?

Фэн Сюэй бесшумно увлек его за собой в густые придорожные заросли кустарника:

— Береженного бог бережет. Лишняя осторожность не повредит.

Лянь Цзяньюэ молча кивнул им на прощание и поспешил к усадьбе клана Бянь.

<http://bllate.org/book/19697/1996240>